

Л. А. Гриффен
(Киев)

ЖИЛИЩЕ В ТЕХНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ

В статье рассматриваются истоки и становление жилища, как феномена социального организма. Проанализированы технические и социальные аспекты жилищ раннепервобытной общины.

Ключевые слова: развития техники, технические комплексы, становление техносферы, первобытный коллектив, окружающая среда, энтропия, жилища, антропосоциогенез, социальная функция жилища, орудия (средства) производства, общественный организм.

При рассмотрении проблем, касающихся сущности и развития техники представляется совершенно необходимым включать в анализ состояние и развитие техники первобытного общества. Это обычно и делается. Конечно, если принять во внимание несоразмерность уровней развития техники в первобытное и в настоящее время, то вполне может создаться впечатление, что проблемам техники первобытного общества уделяется даже чрезмерное внимание. В связи с этим у некоторых специалистов в области философии и истории техники иногда появляются соображения, согласно которым такой «перекосяк» приводит к принципиальным погрешностям в оценке нынешнего состояния и характера развития техники. Они считают, что «в философской науке образовался тревожащий разрыв между уделяемым вниманием и местом (ролью), которое заняла (играет) техническая реальность. Теоретизирование, опирающееся на достижения каменного века и античности, на эпоху Возрождения и время формирования классической механики, становится все схоластичнее, все оторваннее от требований практики. ... Дело в том, что за последние десятилетия произошел качественный скачок, заключающийся в переходе от создания единичных изделий (прежде всего

таких, как машина, агрегат, оборудование, устройство, аппарат, прибор), как бы они ни были сложны, к построению техноценозов» [Кудрин, 1991, с. 278—279].

Но это не так. Качественный скачок, безусловно, имел место, но он не изменил сущности техники как общественного явления. Да и технические объекты никогда не были разрозненными и отдельными, они всегда и принципиально входили в определенные *технические комплексы* — техноценозы. А что касается важности анализа изначального развития техники, то, во-первых, именно вследствие относительной простоты целый ряд моментов, касающихся сущности техники как общественного явления, в этих условиях проявляются особенно наглядно. А во-вторых, как раз именно в те далекие времена «были сделаны важнейшие открытия, важнейшие культурные приобретения, которые легли в основу всего позднейшего развития человеческой культуры вплоть до наших дней» [Борисковский, 1957, с. 210]. В целом же «культура каменного века была фундаментом для всей позднейшей человеческой культуры» [Борисковский, 1957, с. 211]. Не составляет здесь исключения и техника.

Так что для исследования феномена техники эти моменты имеют особое значение. Вообще нельзя не учитывать, что сам этот период был *весьма продолжительным*. При первобытном строе человечество прошло больше половины своего пути развития, и игнорировать это обстоятельство неправомерно. А поскольку именно в это время происходило *становление* техносферы, закономерности данного явления и его роль в социальной жизни выявлялись наиболее выпукло. Как раз в начале разложения родовой организации и становления производящей эко-

номики, зарождается функциональная структура техники, характерная для классового общества — вплоть до современности (которая, по-видимому, в основном будет сохраняться и дальше — до становления общества бесклассового). Ну и, наконец, никакое изучение современного состояния техники самого по себе не в состоянии дать ответ на вопрос о ее сущности, ибо игнорирует его как явление *динамическое*, развивающееся. Эту сущность можно понять только на основе изучения всего становления и развития техники как единого процесса, включая и эпоху первобытности, а желательно и с учетом предьстории.

Конечно, при этом следует учитывать, что техника первобытного общества представляла собой единый (*синкретический*) комплекс без разделения на разные виды — не только вследствие своей относительной неразвитости, но и вследствие неразделенности различных сторон функционирования первобытного общества как по объекту, так и по субъекту. С одной стороны не было, скажем, выделения изготовления орудий из общего процесса жизнедеятельности общества, включающего их использование, непосредственно направленное на удовлетворение потребностей [Гладких, 1991, с. 25]; с другой же эгалитарность первобытного коллектива исключала разделение труда — как социальное, так и технологическое (кроме «естественного» — половозрастного). По мере дальнейшего общественного развития ситуация изменилась, что привело также и к возникновению отдельных классов (видов) техники. Эти вопросы затрагивались нами в других публикациях (напр., [Гриффен, 2008]). Здесь же мы коснемся только вопросов, связанных с таким важным техническим устройством (а точнее, *техническим комплексом*) как жилище, игравшим в социуме совершенно особую роль.

Техника занимает чрезвычайно важное место среди многообразия социальных явлений, соответственно вызывая не только практический, но и теоретический интерес. При этом техника рассматривалась по крайней мере в двух «ипостасях» — как отдельное явление действительности, то есть как относительно самостоятельная *система*, состоящая из множества элементов, — технических устройств, и как часть (*подсистема*) социальной системы, неотъемлемая составляющая последней. Нам представляется, что только второй подход позволяет понять сущность техники как социального явления. Но достичь этого можно лишь с учетом того фундаментального различия, которое существует в природе между системами с положительной и отрицательной *энтропией*, или, иначе говоря, между *живой* и *неживой* природой.

Во всем известном нам мире энтропия растет во всех существующих системах. Однако, есть

принципиальное отличие между «неживыми» системами, в которых энтропия неуклонно повышается, и системами «живыми» — самоорганизующимися, которые в конечном счете осуществляют ее снижение — за счет своего взаимодействия со средой. «В открытых системах, которые обмениваются со средой веществом и энергией, второй закон термодинамики выполняется настолько же строго, как и в изолированных системах. Однако благодаря взаимодействию с внешней средой открытые системы могут повысить степень своей организованности за счет роста энтропии окружающей среды» [Костюк, 1993, с. 9]. Иначе говоря, именно антиэнтропийный (негэнтропийный) характер живой системы предусматривает, что ее первым и необходимым свойством является *материальный обмен со средой*. Соответственно все механизмы развития живых систем направлены на повышение эффективности этого процесса — в основном, за счет повышения уровня сложности самих систем. Эволюционный процесс начался с простейших организмов, а в его результате развились как многоклеточные животные организмы, так и определенные их органические объединения, которые можно было бы назвать «сверхорганизмами» (к которым относится и человеческое общество).

В принципе взаимодействие системы и среды осуществляется системой как целым со средой как целым. Но в конкретном взаимодействии принимает участие в первую очередь часть системы, входящая в непосредственный контакт со средой, и конечно же лишь та часть среды, которая так или иначе (непосредственно или опосредствованно) контактирует с системой. Что касается системы, то поскольку ее адаптация осуществляется путем определенных изменений в ней самой (при стремлении сохранить свою качественную определенность), для системы оказывается целесообразным *«дифференцироваться»* на две соединенные подсистемы; одну забрать «подалее» от среды, а вторую выдвинуть «поближе» к среде». Соответственно на каждом уровне живых систем — «нуклеопротеида, клеточного ядра, клетки, организма и популяции ... можно увидеть четкую дифференциацию на *две соединенные подсистемы*» [Геодакян, 1972, с. 82].

Представленный характер развития приводит к росту объема и значения подсистем, «мыслящихся» природой в структуре антиэнтропийных систем в качестве вспомогательных, обслуживающих ту часть системы, которая «предназначена» для прямого и непосредственного взаимодействия со средой для выноса энтропии. Но если животный организм в своем взаимодействии со средой нуждается в каких-либо дополнительных элементах, то они должны быть созданы уже им самим как определенные «внешние» образования. Таким образом, одним из следствий общего эволюци-

онного процесса как раз и стало возникновение таких специфических материальных объектов. Животное, управляемое заложенной в нем программой инстинкта, из внешних материалов «создает» определенные дополнительные элементы, которые повышают его возможности во взаимодействии с окружающей средой, — материальные образования, составляющие своеобразную «прототехнику».

Характерным примером является паутина. На нижней части брюшка паука имеются сотни маленьких отверстий, через которые наружу выделяется жидкая масса, производимая железами паука. Множество волокон сплеиваются в одну крепкую нить, из которой паук тклет сетку, служащую ему для отлавливания добычи, и при этом также «представляет собой как бы вынесенный далеко от тела осязательный орган животного» [Фройде, 1986, с. 17].

«Технические устройства», создаваемые животными, имеют разный уровень сложности — от той же паутины до бобровой плотины, а также разнообразное назначение — от добывания и запасаения пищи до специальных защитных устройств. Для выполнения *защитных функций* по отношению к внешней среде предназначен особый класс «технических устройств», создаваемых животными. Можно, например, упомянуть о защитных коконах, образуемых некоторыми окукливающимися гусеницами. Для защиты от врагов, а также от воздействия неблагоприятных факторов внешней среды, некоторые животные используют те или иные природные образования (дупла, пещеры, другие природные укрытия), часто дополнительно внося в них необходимые «усовершенствования». Многие же животные для этой цели строят специальные «жилища» — норы, гнезда и т. п.

Что касается нор, то «главная особенность этих убежищ в том, что они не существуют в природе в готовом виде — животные создают их сами» [Руковский, 1991, с. 7]. Нора обеспечивает защиту от хищников, а также, благодаря внутреннему микроклимату, от перегрева и переохлаждения. Даже более важную роль, чем защита данного животного, защитные сооружения играют в репродуктивном процессе. Так, защитные устройства, создаваемые некоторыми одиночными насекомыми, «в большинстве случаев предназначены развивающемуся потомству... Сами строители большинства видов обычно не живут в собственных постройках» [Еськов, 1983, с. 13]. Во многих случаях это касается нор, а гнезда вообще главным образом для этого и создаются — как птицами [Фройде, 1986; Вуд, 1993], так и некоторыми другими животными.

Пока что речь шла преимущественно о роли защитных устройств (убежищ) во взаимодействии с окружающей средой *отдельного индивида* — включая сюда и его потомство, до опреде-

ленной стадии развития составляющее с точки зрения внешних связей с ним некоторую целостность. Однако после достижения соответствующей зрелости потомство отделяется. Совсем иное положение имеет место в случае образования *сверхорганизма* как постоянной системы, состоящей из множества индивидов, где речь уже должна идти о «коллективном» создании и использовании тех или иных «технических» устройств. Прежде всего это касается так называемых общественным насекомым. Все известные нам в настоящее время «общественные» насекомые (т.е. пчелы, муравьи, термиты) в том или ином виде сооружают или используют прежде всего защитные (от внешней среды) устройства. Дальше следуют приспособления для запасаения (и даже «производства» [Фройде, 1986, с. 41]) пищи, устройства репродуктивного назначения и т.п. — вплоть до создания специфической микросреды.

Последнее для нас здесь особенно важно, так как представляет весьма характерный момент создания «жилищ» на уровне «сверхорганизма» — у «общественных» насекомых. Изучение экологии и поведения последних приводит к однозначным выводам: «семья общественных насекомых — это организм. Она закладывается, растет, созревает и воспроизводится. Она столь же обособлена и так же хорошо регулируется, как и любая другая живая система» [Вуд, 1993, с. 400]. И все известные нам в настоящее время «общественные» насекомые в том или ином виде создают весьма сложные искусственные многофункциональные сооружения, служащие в качестве укрытий, места запасаения (а иногда и производства) пищи, вскармливания молодняка и т.п. Вне указанных сооружений, обеспечивающих функционирование сверхорганизма во всех его сторонах и аспектах, существование последнего немислимо. Поэтому будучи необходимой и обязательной принадлежностью жизнедеятельности коллективного «сверхорганизма», они как бы входят органической частью в его состав.

Таким образом, что касается создания вспомогательных, «технических» устройств в животном мире вообще, и укрытий («жилищ») в частности, то здесь явственно обозначены две тенденции. Первая из них — создание таких устройств самим животным для «личного» (в том числе с включением потомства) их использования; вторая — создание их посредством деятельности индивидов, входящих в биологический сверхорганизм, в интересах этого последнего как целого. Во всех случаях они являются внешними (по отношению к собственно биологическому организму) образованиями и относятся к тому, что мы выше определили как «прототехнику». Но в первом случае «жилище» для животного так и остается «внешним» объектом, а в случае сверхорганизма оно становится его необходимой составной частью, функци-

онально (да и структурно) включаясь в состав данного сверхорганизма.

У наших человекообразных предков *элементы* уже именно *техники* появляются гораздо раньше, чем было сформировано человеческое общество. В отличие от «прототехники», в основном базирующейся на программе инстинкта, они все больше включали в себя результаты не только индивидуального, но и коллективного опыта. Уже «австралопитеки и синантропы раскалывали и раздавливали желваки камня. Получавшиеся при этом острые осколки и отщепы случайной формы и служили им орудиями» [Матюшин, 1972, с. 81]. Но значительная часть сведений, необходимых для производства первых орудий, еще закреплялась в инстинктивной программе эволюционным путем, т.е. они в значительной мере имели еще характер не техники, а «прототехники» (или «предтехники»). И соответственно гораздо меньшее, чем позже, значение имел индивидуальный и коллективный опыт. Потому изменения характера орудий происходило чрезвычайно медленно, причем в качестве процесса еще в значительной мере биологического носило оно более или менее идентичный характер для всех предлюдей на том или ином этапе их развития. Ситуация меняется по мере возрастания роли индивидуального, а особенно коллективного опыта.

Хорошо видно это на примере ручного рубила. «Ручное рубило — очень интересный вид орудий. Это орудие устойчивой формы. Появилось оно очень рано, еще в ранний период палеолита — в шелле. Кое в чем различаясь, шелльские рубила, найденные в различных странах и даже частях света, в сущности очень похожи друг на друга: все они симметричны, по форме копьевидны, или, как еще говорят, миндалевидны. ... В шелле и ашеле всюду, помимо рубила, появляются и другие орудия. Чем дальше уходили люди от австралопитековых, тем своеобразнее становились эти орудия. Теперь технические традиции в изготовлении орудий на территории одной страны стали отличаться друг от друга. ... Каждая группа совершенствовала свои орудия, но ... группы не всегда могли обмениваться друг с другом своими «техническими» новинками и опытом» [Матюшин, 1972, с. 83—85].

Примерно к тому же времени относится и начало сознательного использования формирующимися людьми укрытий. «Некоторые ученые называют жилище «первой линией обороны», возводимой человеком для защиты от неблагоприятных внешних условий (второй такой линией является одежда)» [Свод..., с. 52]. Но такое значение укрытия приобрело в основном уже после становления общества и человека современного типа, т.е. после завершения процесса антропосоциогенеза. В самом этом процессе жилище как средство защиты от воздействия, скажем, погодных факторов играло сравни-

тельно незначительную роль, которая, однако, постепенно стала повышаться, поскольку «становление человеческого общества осуществлялось в целом в благоприятных климатических условиях. ... Развитие человеческого общества в позднепалеолитическую эпоху происходило уже в условиях преобладающего воздействия холодного климата» [Гладких, 1991, с. 15—16].

В «Своде этнографических понятий и терминов» жилище также определяется с упором на его защитную функцию (функцию убежища). И хотя и не сводится только к ней, главное ударение все же делается на удовлетворении индивидуальных потребностей человека: «Жилище... — естественное или искусственное убежище человека для защиты от непогоды, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, для удовлетворения общих человеческих потребностей в жилье (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна), а начиная с эпохи социальной дифференциации — и из престижных соображений» [Свод..., с. 224].

Однако здесь очень важно отметить, что вообще уже с самого начала *роль жилища в человеческом обществе далеко не сводится к роли укрытия от неблагоприятных внешних условий* (т. е. к той роли, которая является преобладающей для укрытий животных). И не ограничивалось своей ролью в «удовлетворении общих человеческих потребностей». Жилище начало выполнять еще более важные общественные функции задолго до «эпохи социальной дифференциации». Поэтому применительно к человеку, к обществу «жилище надо рассматривать в историческом контексте, в их становлении и развитии, в процессе постоянного усложнения функций жилища параллельно с формирующимся обществом» [Гладких, 1991, с. 19].

Разумеется, «представляется бесспорным, что наиболее древними жилищами были пещеры. ... Речь идет здесь не о древних жилищах людей, а об убежищах от непогоды, которыми пользуются все животные и ... пользовались и наиболее примитивные люди, не научившиеся еще устраивать жилища». А далее происходило «постепенное превращение убежищ в жилища по мере того, как в быт людей входило умение пользоваться огнем. Убежище с постоянным очагом, в котором поддерживается огонь, является первоначальной формой жилища. Около очага, разведенного во временном убежище, постепенно возникали и несложные первоначальные виды домашнего хозяйства, без которого было невозможно человеческое существование (приготовление пищи и в связи с этим организация запасов питания)» [Рогачев, 1970, с. 65].

Неотъемлемой его частью в этот материальный комплекс входят и создаваемые человеком орудия. Иными словами, техника первобытного общества уже с самого начала формирова-

лась не просто в виде случайной совокупности отдельных технических устройств, а в виде их целостного комплекса, воплощенного в жилище. Иными словами, жилище с самого начала представляет собой часть общественного организма. Если прибегнуть к аналогии (конечно, достаточно грубой), то жилище (шире — стоянку) первобытных людей по функции в системе сверхорганизма в его взаимоотношениях с окружающей средой можно уподобить муравейнику или термитнику (как «жилищу» общественных насекомых).

Причем, что особенно существенно, именно благодаря жилищу как техническому комплексу одновременно формировались обе составляющие техники — материальная и идеальная. А это уже (наряду с другими моментами) — важный элемент в системе социализации индивида. «В процессе становления общества усложняются и меняются функции убежищ, что постепенно приводит к возникновению жилищ с их социальными функциями. Известно, что период взросления человека по сравнению с животными чрезвычайно растянут во времени, минимум до 10—12 лет. И это обусловлено, прежде всего, объективной сложностью процесса воспроизводства рабочей силы. Социальная функция жилища заключается как раз в том, что оно является средой для воспитания будущего члена общества. Растянутость формирования человека как индивида во времени является в такой же мере чертой, отличающей человека от животного, как и то, что воспитание человеческого индивида невозможно без общественной среды» [Гладких, 1991, с. 19]. В этом становлении и развитии человека исключительно важную роль играли вещи, входящие в общий жилищный комплекс — ту часть среды, которая превратилась в составляющую общественного организма. «Осваиваясь в мире этих вещей, т.е. активно осваивая их, ребенок осваивает и опредмеченный в них общественно-человеческий разум с его логикой, т.е. превращается в разумное существо и полномочного представителя рода человеческого, тогда как до этого (и вне этого) он был и остался бы лишь представителем биологического вида, т.е. не обрел бы ни сознания, ни воли, ни интеллекта (разума)» [Ильенков, 1991, с. 37].

Здесь мы воочию наблюдаем единство социума и технических средств. С одной стороны, жилище как место обитания человека включает в себя весь комплекс необходимых для выживания технических устройств, а с другой именно оно является той ближайшей средой, в которой осуществляется становление человека и его комфортное не только физическое, но и психологическое состояние в дальнейшем. «Борьба за существование «вне дома» означает нескончаемый поединок с окружающим миром. Холод, жара или дождь, влияние вещей и людей непрестанно ставят под угрозу планы, на-

дежды и дела человека. Дома же человек чувствует себя в безопасности среди своих близких» [Липс, 1954, с. 17]. И, добавим, среди вещей (в том числе технических устройств), не только ничего не «ставящих под угрозу», но способствующих успеху в «поединке с окружающим миром».

Становление жилища как непосредственной «среды обитания» происходило одновременно и во взаимосвязи со становлением общества и человека современного типа. «Еще в мустьерское время жилище стало постоянным и обязательным элементом культуры, оно ограничило действие биологического закона единства организма и среды в отношении человека. Люди благодаря активной трудовой деятельности и производству, обладая огнем, навыками постройки жилища и изготовления примитивной одежды, смогли выйти за границы строго определенной для животных среды обитания. Это и есть новое свидетельство возникновения и упрочения социального качества в развитии живых существ» [Рогачев, 1970, с. 66].

На примере этих, в общем-то верных, рассуждений данного автора хорошо видна та существенная неточность, которую обычно допускают в употреблении понятия «человек (люди)». Жилища (как и социум вообще в своих различных проявлениях) отнюдь не «ограничивают» действия закона единства организма и среды. Он остается незыблемым, просто «организмом» здесь является другой объект — не индивид, а общество (сверхорганизм), куда включены и созданные им самим его дополнительные «органы» в виде технических устройств. А для индивида как отдельного биологического образования общество (как раз через их посредство) создает совсем иную «среду» (в том числе и посредством жилища).

Но на этом же примере (что касается становления и развития жилища как определенного материально-технического комплекса) хорошо видно, что техника как определенная система материальных объектов, возникла и развивалась одновременно с возникновением и развитием общества, и с самого начала составляла неотъемлемую подсистему последнего. Причем материально-технический аспект техники был с самого же начала неразрывно связан с аспектом технологическим (в виде определенной системы сведений и навыков, необходимых для создания и использования технических устройств). Другими словами, техническая культура передавалась новым членам коллектива одновременно и как наличный комплекс технических устройств (материально опредмеченные идеальные технические представления), и как «идеальный» комплекс технических представлений (распредмеченные технические объекты).

Таким образом, «внешний» материальный мир для человека и общества явственно разде-

ляется на две неравных части. Одна — это внешняя среда, с которой общество, чтобы выжить и развиваться, должно взаимодействовать и которой вынуждено противостоять. А другая — тот объединяемый жилищем комплекс материальных образований, на который оно опирается в этом противостоянии. Поэтому данный комплекс, оставаясь «внешним» для индивида, перестает быть таковым для общества. Он, с одной стороны, с самого начала *включается в общественный организм*, становясь его неотъемлемой частью как в своем материальном, так и идеальном выражении, а с другой — в качестве социальной подсистемы становится между собственно обществом и окружающей средой.

В дальнейшем развитии происходит постоянное расширение этой части мира. Сначала — от собственно жилища-убежища до размера стойбища: «домом примитивнейших племен является скорее вся обширная территория племени, а не сооруженное по большей части лишь на время убежище, где семья укрывается от ветра и дождя и где она проводит ночь» [Липс, 1954, с. 17]. В палеолитические времена отдельные «жилища» «наиболее вероятно ... служили индивидуальными убежищами». И вообще «различные типы жилищ еще не отражают непосредственно форму социальных отношений». Главное здесь — «хозяйственно-бытовые комплексы» Именно их наличие «свидетельствует о стабильной социальной структуре общества палеолитического времени и высоком уровне его развития» [Гладких, 1989, с. 19].

В связи с такой их ролью «в конце мустьерской эпохи уже существовали прочные и долговременные как пещерные, так и наземные жилища на открытых местах». И это несмотря на то, что «сооружение жилищ требовало длительной и организованной работы — выкапывания значительных ям с выбросом до 12 кубометров земли, поисков и заготовки строительных материалов и топлива, постоянного ухода за жилищем по поддержанию тепла» [Рогачев, 1970, с. 67, 75].

В нем имелось ряд технических устройств различного назначения: «очаги и пекарные ямы, служившие для отопления и освещения жилища и приготовления пищи», другие устройства, также предназначенные для приготовления пищи, «в виде пестов-терок и орудий типа зернотерок». Очаги уже были достаточно сложными техническими устройствами в виде ям, в которых «огромные скопления костного угля, нагревавшиеся каждый раз при отоплении жилища обычным топливом, аккумулялировали тепло и подобно кирпичной печке нашего времени, постепенно отдавали его во внутреннее пространство жилища» [Рогачев, 1970, с. 69]. Здесь мы в достаточно наглядном виде имеем вынос энтропии во внешнюю среду за счет материального обмена с ней (также своего рода «метаболизм», но уже целостного

общественного организма) — по отношению к обществу как целому, включающему в себя «внутреннюю» среду и определенный технический комплекс, посредством которого этот обмен и вынос и осуществляется (потребление «внешних» продуктов и удаление «отходов»).

Жилище как своеобразная составляющая общественного организма предполагает его именно в таком качестве — как основную социальную (и биологическую!) единицу. Однако нельзя забывать и о наличных технических возможностях, иначе из имеющихся археологических посылок последуют ложные исторические выводы, в частности, о существовании в верхнем палеолите некоей первоначальной «малой семьи» как отдельного социального образования: «Общество периода верхнего палеолита, судя по остаткам поселений, состояло из небольших, но хозяйственно и социально сплоченных групп, объединяющих малые семьи в локальные охотничьи группы или охотничьи общины» [Массон, 1976, с. 134]. Или даже более того: «Малая семья и состоящая из нескольких таких семей локальная группа или община — таковы основные единицы общества верхнепалеолитических охотников, по крайней мере об этом свидетельствуют остатки жилищ и поселений» [Массон, 1976, с. 116]. Оставив в стороне логическую несообразность одновременного существования *двух «основных» единиц общества*, посмотрим, насколько справедливо второе утверждение — что о существовании в первобытном обществе «малых семей» «свидетельствуют остатки жилищ и поселений».

Предположим, что «само жилище можно рассматривать как социальный заказ, реализуемый через домостроительную технику и направленный на вычленение из природной среды общественной единицы с обеспечением в условиях данной среды и данных технических возможностей максимума удобств при осуществлении ее основных функций — жизнедеятельности, производственных процессов и т. п.» [Массон, 1976, с. 110]. Исходя из малых размеров верхнепалеолитических жилищ и делается вывод о их предназначенности для «жизнедеятельности» отдельных «малых семей». Но признается, что уже в неолите дом «был рассчитан на коллектив, состоящий из нескольких малых семей, живущих под одной крышей и ведущих общее хозяйство», и «большесемейная община», соответственно, «теперь составляет основную ячейку общинного поселка в целом» [Массон, 1976, с. 120].

Но остается совершенно непонятным общественный смысл перехода от «малой семьи» верхнего палеолита к последующим «большесемейным общинам». В действительности же, как давно уже было показано [Золотарев, 1964], в тот период ни семей, ни общин не существовало — общественный организм представлял собой племя с дуальной родовой организацией.

Увлечшись мнимым «социальным заказом» в возведении жилья, потеряли из виду его «технические возможности» — не потому строили малые жилища, что этого требовала структура общества, а потому, что еще не существовало другой «домостроительной техники»; а когда она появилась, строительство было приведено в соответствие с социальными условиями.

Таким образом, на этапе экономики собирательства «дом», «жилище», «стойбище» как «хозяйственно-бытовой комплекс» как раз и представляли собой ту первичную «техносферу», которая связывала общество (род) с «внешней» средой существования, одновременно разделяя его с ней. Расширение «дома» (той части среды, которая в своих материальных образованиях включалась в состав общественного организма) происходило соответственно расширению взаимодействия общества с природой и, также соответственно, изменениям самого общества (и его технических возможностей). Одновременно происходило повышение энтропии (рост дезорганизации) во внешней среде, прежде всего в непосредственном окружении данного социального образования.

По мере становления производящей экономики и в связи с этим происходило расширение того ареала «внешней» среды, который включался (но уже выборочно и не столько структурно, сколько функционально) в состав социума в качестве его части. Одновременно же происходило и разрушение родовой организации и становление тех социальных образований, которые брали на себя (полностью или частично) функцию целостности по отношению к окружающей среде. Целостный общественный организм заменялся «частным» социальным организмом, целостность которого по отношению ко всей остальной среде его существования (включая и социальную) имела уже относительный характер (как именно изменялся характер этих социальных образований см.: [Гриффен, 2005, с. 283—476]). Сегодня этот процесс зашел очень далеко, в том числе и в отношении дезорганизации окружающей среды за счет выносимой за пределы данного социального образования энтропии.

Ну, а что касается собственно жилища, в котором непосредственно обитает человек (его «дома»), то и его функции, и его заполнение техническими устройствами по мере развития общества постепенно менялись. Современный дом в значительной мере стал своеобразной «машиной для жилья», сложным техническим комплексом, снабженным всеми необходимыми для существования отдельных индивидов техническими устройствами (средствами для поддержания комфортных условий, гигиены, приготовления и потребления пищи, хранения запасов, получения информации, общения, отдыха и т. п.). Но при этом (вследствие его «индивидуализации» и расширения аре-

ала существования индивида) он потерял то исключительное значение «внутренней среды» для общества как целостного организма, которое имело жилище в первобытное время. По мере этого превращения происходило и разделение видов техники, включающих *предметы потребления* (одним из которых стал и современный дом) с одной стороны, и внешние по отношению к нему *орудия (средства) производства* — с другой. В этом процессе появляются также *другие классы* технических устройств со своим особым общественным назначением. И уже не только собственно дом (и даже не главным образом он) становится источником выносимой во внешнюю среду энтропии, а весь социальный организм в целом во всех аспектах своей жизнедеятельности.

Сегодня вынос энтропии социальными образованиями вовне осуществляется только в пределах нашей планеты, повышая на ней уровень дезорганизации. Соответственно при преобразовании «пустынь в сады» в обязательном порядке происходит превращение «садов в пустыни» (причем в гораздо больших объемах). «Триумфальное» же шествие западной «потребительской цивилизации» вообще в ускоренном темпе превращает Землю в место, непригодное для обитания. Но в строгом соответствии с гегелевской «триадой» когда-нибудь для объединенного человечества, снова обретшего эгалитарность и приобретшего всеобщую целостность, вышедшего в космос и *превратившего его в непосредственную среду взаимодействия* с вынесением в нее «своей энтропии», неотъемлемой частью этого всеобщего общественного организма (его «домом») станет целиком вся планета Земля, которая действительно превратится в цветущий сад. Если, конечно, к тому времени не превратится в свалку отходов. Такого действие второго закона термодинамики: при общем возрастании возможность ее локального снижения в некотором материальном образовании «оплачивается» более интенсивным возрастанием в окружающей среде. Несомненно, в природе объективно существуют условия, в которых происходит и уменьшение энтропии — иначе Вселенная не могла бы существовать вечно. Но нам пока об этом ничего не известно.

Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. — М.; Л.: АН СССР, 1957. — 223 с.

Брайен М. Общественные насекомые. Экология и поведение. — М.: Мир, 1986. — 400 с.

Вуд Д.Г. Гнезда, норы и логовища. — М.: Терра, 1993. — 640 с.

Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. — 1972. — Вып. 25. — С. 76—84.

Гладких М.И. Соціально-економічна інтерпретація пізньопалеолітичних жител та поселень // Археологія. — 1989. — № 4. — С. 17—26.

Гладких М.И. Историческая интерпретация позднего палеолита (По материалам территории Украины): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Л., 1991. — 48 с.

Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). — К.: Задруга, 2005. — 438.

Гриффен Л.О. Техніка як об'єктивна реальність // Вісн. Дніпропетров. ун-ту. Серія: Історія і філософія науки і техніки. — 2008. — Т. 16. — № 1/2. — С. 64—79.

Еськов Е.К. Жилища насекомых. — М.: Знание, 1983. — 64 с.

Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. — М.: Наука, 1964. — 328 с.

Ильенков Э.В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — 464 с.

Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. — М.: Наука, 1993. — 352 с.

Кудрин Б.И. Введение в технетику. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1993. — 552 с.

Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1954. — 488 с.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976. — 190 с.

Матюшин Г.Н. У колыбели истории. — М.: Просвещение, 1972. — 255 с.

Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения // МИА. — 1970. — № 166. — С. 64—77.

Руковский Н.Н. Убежища четвероногих. — М.: Агропромиздат, 1991. — 143 с.

Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3: Материальная культура. — М.: Наука, 1989. — 224 с.

Сележинский Г.В. Животные-строители. — К.: Наук. думка, 1971. — 100 с.

Фройде М. Животные строят. — М.: Мир, 1986. — 216 с.

Л. А. Гриффен

ЖИТЛО В ТЕХНІЧНИХ ТА СОЦІАЛЬНИХ АСПЕКТАХ

У статті розглянуто витоки та становлення житла як феномена суспільного організму. Проаналізовані технічні та соціальні аспекти жител ранньопервiсної общини.

L. A. Griffen

THE DWELLING OF TECHNICAL AND SOCIAL ASPECTS

The problems of formation and evolution dwelling in community organism. The technical and social aspects of dwellings early primitive community is analyzed as well.